

В пятый месяц тридцать первого года правления под девизом Суйцзин император отправился на охоту к горам Гушань, что к западу от столицы. Третий принц Най, ведомый гордыней и жаждой власти, поднял мятеж, подговорив часть гвардии и столичного гарнизона к захвату престола. К счастью для короны, Второй принц Цинь Су и Шестой принц Му вовремя раскрыли заговор и спасли государя.

Гнев императора был страшен.

Род Чжоу отправили в изгнание за тысячи ли, Драгоценную наложницу Чжоу лишили титула и сослали в Холодный дворец, а самого мятежного Най, разжалованного в простолюдины, заперли в его поместье под вечный домашний арест.

В шестом месяце того же года был оглашен указ: Шестой принц Му нарекался наследником престола.

Год пролетел незаметно.

В поместье Второго принца Чи Юй чувствовал себя как рыба в воде. С тех пор как прошлым летом после банкета у Восьмого принца он перебрался в главные покои Цинь Су, его положение стало незыблемым. Возможно, из-за того, что их близость возникла стихийно, Чи Юй почти не испытывал перед хозяином того священного трепета, что сковывал остальных; напротив, в их отношениях сквозила странная, почти родственная теплота.

Наступило лето, и жара стала невыносимой. Спасаясь от зноя, император перебрался в загородную резиденцию — Сад Роскошных Баньянов.

Сыновья, разумеется, последовали за ним.

Упускать возможность отдохнуть за казенный счет, а заодно и лишний раз показаться на глаза отцу, никто не собирался. В саду порядки были куда вольнее столичных, и домочадцы принцев с нетерпением ждали переезда. Раньше подобные выезды случались редко, но на этот раз император устроил всё с небывалым размахом.

У Второго принца дела в тылу обстояли, мягко говоря, своеобразно, да и забот всегда хватало, так что он много лет не сопровождал отца в Сад Роскошных Баньянов. Но теперь, когда наследник был официально назначен, император пожелал видеть сыновей вместе, надеясь на их примирение.

К тому же Цинь Су отличился в деле о подавлении мятежа. Государь, пребывая в благостном расположении духа, предложил сыну любую награду. Тот лишь почтительно поклонился и промолчал. Тогда император вручил ему золотой жетон, сказав: «Если когда-нибудь тебе что-то понадобится от меня — проси, и я не откажу».

Обещание монарха стоило дороже любых сокровищ.

Цинь Су принял дар с видом глубочайшей признательности, однако в душе лишь горько усмехнулся.

Разумеется, в Сад Роскошных Баньянов он взял с собой Чи Юя.

В резиденции Цинь Су отвели прекрасный дом. Он не только стоял в паре шагов от императорского «Парка Девяти Земель», но и выходил окнами на пруд, усеянный цветущими лотосами. Сама усадьба, выстроенная в три двора, подражала стилю эпохи Тан: сияющая глазурью черепица и резные карнизы сочетались с благородной простотой белых стен и серого камня. Роскошь здесь была смягчена безупречным вкусом.

— Ну, как тебе наша Обитель Нефритовой Естественности? — спросил Цинь Су, вальяжно устроившись в кресле и потягивая чай.

Чи Юй окинул взглядом покои, а затем подошел к окну, любуясь тем, как лотосы тянутся к палящему солнцу.

— Дом чудесный. Но у этого названия есть какой-то скрытый смысл?

Цинь Су фыркнул:

— Да так, первое, что пришло в голову.

Лукавил. Несколько дней назад, когда он осматривал выделенные ему покои, в его воображении возникла отчетливая картина: спокойный, уверенный в себе черноволосый юноша в расшитом шелковом халате стоит у кромки пруда. Оборачивается, и в его глазах вспыхивает живой блеск. «Прекрасен, как чистейший нефрит», — подумал тогда Цинь Су.

Он не отрицал, что Чи Юй очаровал его. В нем проснулась некая одержимость этим человеком, хотя он и не спешил называть это «любовью». Он знал, что в «Тереме Ветров и Дождей» болтают об их связи всякое. Его это не злило. В юности Цинь Су приходилось таиться, но, повзрослев, он стал вызывающе своенравен.

Он не скрывал своих причуд. Не брал жен, не заводил служанок, а те, кто попадал в его постель, исчезали оттуда максимум через три месяца. Он слыл жестоким, капризным и непостоянным — и никогда не пытался казаться лучше.

Чи Юй стал его первым «долгожителем».

Цинь Су признавал эту исключительность. Признавал и не считал нужным оправдываться.

Прекрасен, как нефрит... Обитель Нефритовой Естественности. Идеально. Но вслух он этого, конечно, не сказал бы.

Через несколько дней наступили выходные. Наследник пригласил братьев на совместную прогулку в горы Гушань.

Отказываться от такого жеста было нельзя — монаршая милость требовала ответной вежливости. Перед уходом Цинь Су, будучи в добрых отношениях с наследником, с улыбкой спросил:

— Я могу взять с собой близкого человека?

Тот рассмеялся:

— Вы про господина Чи?

Формально Чи Юй считался лишь фаворитом без чина и звания. Но наследник — в те времена еще Шестой принц — последний год общался с братом исключительно через «дружеские визиты» Чи Юя к себе. Он прекрасно понимал, какую роль на самом деле играет этот бывший начальник тайной стражи, а потому величал его «господином», выказывая уважение.

Второй принц картинно взмахнул рукавом:

— А разве у меня есть кто-то еще?

За последний год в поместье Цинь Су не появилось ни одного нового лица, а старых наложниц потихоньку спровадили почти всех. Слухи о «великой привязанности» принца крепили с каждым днем. В нынешней опасной политической игре такая репутация верного влюбленного была Цинь Су только на руку.

— Брат мой истинно предан, — понимающе улыбнулся наследник.

На следующее утро погода стояла ясная.

Цинь Су буквально за руку тащил Чи Юя из дома, пока тот вяло сопротивлялся:

— Ваше Высочество, вы ведете себя как дитя.

Второй принц ответил ему каким-то капризным, тягучим мычанием. Чи Юй, не обращая внимания на его кривляния, продолжал ворчать:

— За одну ночь все кони в конюшне, кроме вашего, вдруг занемогли... И как вовремя у них расстроились желудки. Лекарство подсыпали настолько небрежно, что мне даже трудно делать вид, будто я ничего не заметил.

Цинь Су дотащил его до ворот.

Там стоял белоснежный конь. Статный, изящный, с лоснящейся гривой — личный скакун принца. Чи Юй всегда подозревал, что Цинь Су, выбирая себе коня, руководствовался лишь желанием выделиться: среди боевых лошадей этот капризный красавец выглядел чересчур щегольски.

Это был Лифэйша — потомок легендарных коней древности.

Чи Юй вздохнул:

— И что вы на это скажете?

Принц остановился перед конем и с обиженным видом обернулся:

— А что я должен сказать?

Чи Юй пробормотал:

— Хоть какое-то оправдание. В конюшне стоят лучшие боевые кони империи! Если это скажется на их силе, вы...

— Неужели ты считаешь меня настолько безрассудным? — перебил его Цинь Су.

Чи Юй промолчал, но красноречиво посмотрел на него: «Я считаю, что у вас вообще нет чувства меры».

Принц вскинул брови и вздохнул:

— Я просто не хотел, чтобы ты скакал отдельно.

— Вот как? — сухо отозвался Чи Юй.

Цинь Су ласково похлопал жеребца по шее и проникновенно добавил:

— Разве нам плохо будет вдвоем на одном седле?

...

— Могли бы просто сказать, — обреченно выдохнул Чи Юй. — Зачем было травить несчастных животных?

Будучи лидером, Цинь Су мог плести интриги гроссмейстерского уровня, но порой он вел себя так, что у Чи Юя чесались руки совершить «покушение» на собственного господина. И таких моментов становилось всё больше.

Лифэйша нетерпеливо толкнул принца мордой в плечо. Цинь Су легко вскочил в седло.

Он не выпускал руку Чи Юя, заставив того пошатнуться.

— Запрыгивай, — велел принц.

Выбора не было: либо ехать вдвоем, либо идти пешком, изображая конюха. К счастью, гордый Лифэйша благоволил к Чи Юю и позволил тому устроиться впереди себя без лишнего брыкания.

Когда они добрались до места встречи, остальные братья были уже в сборе.

Седьмой принц, отличавшийся легким нравом, завидев их общую посадку, зычно расхохотался:

— Второй брат, ну нельзя же так! Пользуешься любой возможностью, чтобы выставить чувства напоказ!

Он всегда славился своей несдержанностью на язык, и лишь благодаря защите Шестого принца дожил до своих лет без серьезных проблем.

Вот и сейчас, не удержавшись, он направил коня к Цинь Су и лукаво подмигнул:

— Когда уже дашь господину Чи законное место?

В его словах не было ни капли издевки. Седьмой принц терпеть не мог Пятого, а Чи Юй был тем самым человеком, который заставил Пятого принца сесть в лужу. Чи Юй ему искренне нравился. К тому же он рассуждал просто: раз брат так без ума от этого человека, титул — лишь вопрос времени. Наследник оберегал его от дворцовых тайн, так что Седьмой и не догадывался, что Чи Юй — ценнейший помощник и агент, свято веря в историю о «великой любви».

Второй принц загадочно улыбнулся. Но ответить он не успел — его перебили.

— Может быть, он просто не хочет его давать? — подал голос Пятый принц, Цинь И.

Дела у Пятого принца шли из рук вон плохо.

С детства он купался в роскоши и славе, его обожали за красоту и таланты. Братья относились к нему холодно, но он лишь посмеивался: «Вот взойду на трон, и вы все приползете ко мне на коленях». Однако за год всё перевернулось. Из главного претендента на престол он превратился в рядового принца, и эта горечь отравляла его существование.

Он гордился своим благородством и «милосердием». Когда-то он мог легко стереть Чи Юя в порошок, но предпочел просто выслать его. Дескать, двадцать лет верной службы чего-то да стоят. Он хотел казаться справедливым правителем.

И эта слабость стала роковой ошибкой.

С тех пор как Чи Юй попал к Цинь Су, все планы Цинь И пошли прахом.

Его второй брат — всегда державшийся в тени, известный своей жестокостью и холодностью — вдруг превратился в пылкого влюбленного, спелся с Шестым, привлек на свою сторону Седьмого и Двенадцатого, заручился поддержкой Шу-фэй... А потом воспользовался оплошностью Третьего брата. Цинь И был уверен: в деле Най не обошлось без подвоха.

Но император не хотел копать глубже. Зачем, если итог его устраивал? Зачем портить финал, в котором он спасает одного сына от другого?

Цинь И душила обида.

Десять лет он плел паутину, чтобы в один миг сорваться с высоты. И как после такого сохранять былое величие?

Многие братья, которых он когда-то задевал своим высокомерием, теперь не упускали случая уколоть его. Раньше он ждал от них лести, теперь — приходилось терпеть их пренебрежение и, что самое невыносимое, заискивать перед Шестым, которого он всегда считал ничтожеством.

Злость требовала выхода. А Чи Юй был идеальной мишенью.

— Кто такой Чи Юй? — продолжал Пятый принц, картинно раскрывая веер. — Сирота, возвращенный как пес, отданный в наложники... Слуга, не более. Даже если Второй брат позволяет ему жить в своих покоях и берет на приемы, у него нет ни имени, ни статуса. Может, его просто используют?

Седьмой принц вспыхнул:

— Что ты несешь?!

Цинь И лишь снисходительно улыбнулся своими подкупающими «персиковыми» глазами, хотя во взгляде сквозила желчь:

— Брат мой, не кипятись. Это дело Второго брата, и нам, младшим, не пристало в него соваться.

Седьмой, не в силах состязаться в красноречии, в отчаянии обернулся:

— Второй брат, ну ты посмотри на него!

С детства он привык бежать за помощью к старшим. Инстинкт подсказывал ему, что Цинь Су — сила, с которой стоит считаться.

Цинь Су в это время сидел позади Чи Юя, крепко сжимая поводья так, будто обнимал его. Он склонился к самому уху юноши и прошептал:

— Слышишь? Они все требуют, чтобы я дал тебе имя.

Чи Юй, которому такая манера езды и без того казалась излишне интимной, ответил равнодушно:

— И какое же?

— Станешь моей официальной супругой? — поддразнил его Цинь Су.

— Оставьте эти шутки. Я не собираюсь тратить жизнь на утренние поклоны, отчеты и управление вашим гаремом. Это вдвое больше работы за ту же плату. К тому же, став вашей женой, я вряд ли смогу покинуть столицу. Верно?

— Скорее всего.

— Тогда нынешнее положение меня вполне устраивает, — Чи Юй слегка повернул голову, поймав взгляд принца. — Двойное жалование, поездки за ваш счет, и никакой титул не связывает мне руки.

Цинь Су не выдержал и, уткнувшись лбом в плечо Чи Юя, зашелся в беззвучном смехе.

Отсмеявшись, он бросил на онемевших братьев взгляд, полный напускной нежности:

— Видите? Я бессилён. Против его воли я пойти не могу — вы же знаете, как он силен в боевых искусствах.

Седьмой принц лишь потрясенно пробормотал:

— Ну и ну... Второй брат и впрямь пылинки с него сдувает.

Лишь Пятый принц смотрел на них с нескрываемым замешательством.

Он не мог понять — шутит Цинь Су или говорит серьезно. Но глядя на Чи Юя, на его уверенность и тот блеск, который никогда не проявлялся в нем во времена службы тайной стражи, Цинь И почувствовал странный укол в груди.

Впрочем, было поздно. Он не хотел казаться мелочным неудачником.

— Что ж, — Цинь И сложил веер и изящно поклонился в седле. — Желаю вам, брат, со временем всё же добиться своего.

С этими словами он прищипорил коня и направился к подножию горы, где наследник уже беседовал с остальными принцами. Пора было налаживать связи с новой властью. У матери наследника, Шу-фэй, была на выданье дальняя родственница? В его поместье как раз пустовало место боковой супруги. Говорили, девушка умна и нежна — всяко лучше, чем возиться с этим заносчивым мужчиной. Хотя, учитывая вкусы Второго брата... возможно, для Чи Юя всё кончится не так уж плохо.

<http://bllate.org/book/17538/1705079>